

* * *

О, русская душа! Она – причина
Тому, что и за праздничным столом
Вдруг кто-то запоет с такой кручиной,
Что все веселье вдруг идет на слом.

И, головы вдавив между плечами,
Играют желваками мужики,
И в никуда, преграды не встречая,
Плывут из лиц их мутные белки.

Душа, душа – источник непокоя!
Бей – не убьешь, но тронь – и заболит.
И кто-то заблестит слезой скупой,
А кто-то вдруг расплачется навзрыд.

Так осенью на траурные воды
С ветвей стекают листья горьких ив.
Народ есть отражение природы,
И потому – в печали молчалив.

Но глянь сквозь рощу – кисть рябины
дальней
Покажется прикусом на губе,
И звук с болота – сдавленным
рыданьем
О чьей-нибудь раздавленной судьбе.

Молитвой скорбной размыкает ветер
Холодные небесные уста.
И каждая гора в Голгофы метит,
Высматривая нового Христа.

Известен мне исход такой печали!
Когда в себя глядятся изнутри,
То в тягостном отчаянном молчанье
Рождается невыразимый крик...

Так над природой и над нами всеми
Начертано безжалостной судьбой,
Что все: и скорбь, и дума, и веселье –
Исходит в сумасшествие и боль.

Россия! Ширь и глубь – неодолимы.
Я жив тобой, но я в тебе тону.
Никто в стране людей необъяснимых

* * *

Прощай, листва. Прощайте, птицы.
Оплакан скорбный ваш отлет.
Душа к высокому стремится,
Туда, откуда снег идет.

Я слышу неземное пенье.
Туда, туда мой путь лежит.
Земля – снегов успокоенье,
А небеса – земля души.

Не проклиная мир нелепый,
Увязший в безнадежной мгле,
Поэты выпадают в небо,
Когда им тяжело на земле.

И вечный сон гнетет ресницы,
И вечный хор поет: "Прощай..."
Душа к высокому стремится,
Куда-то выше, чем печаль.

* * *

Отчего это птицы летят, исчезая вдали?
Отчего это листья срываются в
трепетный путь свой?
И вздымаются сопки — безмолвные
волны земли.
Вот — сорвутся сейчас! Вот —
обрушатся! Вот — понесутся!
И уже назревает на склонах
мучительный стон,
И качаются сосны, роня тревожные
тени:
Шестикрыло летят серафимы
незримых крестов,
И склоняется кто-то, и плачет, упав на
колени.
И рванётся душа! И в былое запросится
вдруг!
И — замрёт оттого, что дорогу туда
позабыла.
И бескрестым погостом земля холодеет
вокруг,
И угрюмые сопки — под стать
безымянным могилам.
Распластавшись над миром, несётся

Не может объяснить свою страну.

Где безысходность рвет сердца на части,
Но сладко этой горечью дышать...
А может быть, по-русски – это счастье,
Когда болит и мается душа.

Песня о Кандалакше

Словно ветер в дремучей душе лесной,
Словно лёгкой волны поглаживанье...
Ах, как нежно звучит, как шелестно:
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
Сердцу грезится, сердцу помнится
Когда — грустное, когда — ласковое...
Море осенью дышит с Колвицы:
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
А зимою метель — как бабка мне
Шепчет древнюю сказку страшную.
Снег бросает в окно — охапками:
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
Море белое, солнце зрелое,
Сопки, ягодами украшенные...
Мы с тобою навек — одно целое,
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
Сколько раз ты, земля холмистая,
Содрогалась под силой вражьей,
Но смогла устоять и выстоять,
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
Время, в завтра вращая, тянется,
Память держится за вчерашнее.
Я умру, а она — останется!
Кандалакша моя, Кандалакша моя.
Слёзно верую в счастье дальше,
Кровно дорого всё, что пройдено...
Есть у каждого Русь изначальная.
Много разных имен носит Родина.

На перевале

Крутой подъём.
Всё выше — в гору, в гору...
Последний метр.
Ещё чуть-чуть.
Сейчас...
Внезапные раскинулись просторы!

кладбищенский дух,
Но когда по-осеннему небо рыдает над нами,
Ужаснись, понимая, что птица — подобна кресту.
Потому что — вот так — улетает в забвение память.

Беломорье

Виталию Семеновичу Маслову

1
О, как премудра вязь Господних дум!
Как сеть Любви крепка — из нитей Горя.
Я пойман. Я отсюда не уйду.
Темно моей душе без Беломорья.
Я от солёных брызг не огрубел,
Не разлюбил дубящий кожу ветер.
Над Белым морем свет всё лето бел.
Какое счастье — жить на БЕЛОМ свете!
Зовёт заря прозрачную луну,
Повечеревший день к закату клонится.
Протоптана тропинка в тишину
Мозолистой пятой босого солнца.
И столько света — в каждом бугорке
Живой волны — пологой, но упругой!
И томные тюлени на корге
Лежат, лаская лапами друг друга.
Амбар... Изба... Собака у крыльца...
В большом чану — треска, в тазу — селёдка.
На привязи, как блудная овца,
Пасётся в зеленях волнистых лодка.
В избе, на лавке — ребятня — рядом,
На тёплой русской печке — дед суровый.
Хозяйку за вечерним молоком
Зовет большая щедрая корова...
Какое счастье!
Вот оно и есть:
Любить свой край — прекрасный,
щедрый, вольный.
Родиться здесь и жить достойно здесь,
Здесь умереть и в землю лечь
достойно.

Внезапные — уже в который раз.
Дыханье моря, шум сосны и ели,
Смешенье красок и смятение чувств.
И — музыка в душе, и — лёгкость в теле.
Я становлюсь возвышенной, лечу!
А подо мной — залив, как небо — синий.
Чуть различим на острове маяк.
И взгляд стремится вдаль, покуда в силе,
А где не в силе — там душа моя!
Как ощутим, как осязаем ветер!
Как неразрывна связь земли с водой!
Есть Божий Рай... Но я бы после смерти
Навек остался с этой красотой!
...Я упаду в брусничник у дороги,
С куста губами ягоду сорву.
Ведь этот взлёт — лишь связь, одна из многих,
С землёю, на которой я живу.

На реке Канде

Упало в речку поднебесье
И стало песней. И река
Несёт по свету эту песню
О белоснежных облаках.
Роняют люди в речку лица,
Роняют лепестки цветы.
На облака садятся птицы,
Когда касаются воды.
В широком устье у залива
На берега выходит лес,
И низко кланяются ивы,
Чтоб дотянуться до небес.
О, как светло на белом свете!
И нет вражды между людьми.
Так мир воспринимают дети,
Когда приходят в этот мир.
Гляди, откуда проросли мы!
Он — есть! Он — здесь! Он — наяву!
Наш край. Наш рай, где всё любимо:
И каждый вид, и каждый звук.
Душою чуткой, сердцем зрячим
Люби! Люби, пока дано...

Не можешь так — тогда с природой в лад
Плыви в моря, ищи иного счастья.
Но возвращайся — сёмгою — назад.
Сдирая кожу, мясо — возвращайся!
2
... И я хотел вернуться. Но куда?
Я долго шёл следами жизни прежней...
О, море! Почему твоя вода
Не отражает счастья сёл прибрежных?
Я шёл, искал и, находя,— скорбел,
Ветвилось горе на прибрежных
взгорьях...
И видел я, что свет — уже не бел,
Бесцветный свет, объявший Беломорье.
Я шёл... Никто не узнавал меня,
Иссякший мир не наполняли дети.
И лодки рассыхались на камнях...
И вешала забыли тяжесть сети...
Спросить... О чём? Сказать... А что
сказать,
Когда нас всех одна болезнь
изгрызла...
Мне стыдно людям заглянуть в глаза,
Мне страшно в окна вглядываться
избам.
Из них предсмертным оком смотрит
ночь...
О, как черна тоска избёнок тощих!
Забыв (навек?) свою былую мощь,
Поморских сёл гниют святые мощи.
Беда! Беда! Беда! Беда! Беда!
Всё рухнуло... По замыслу? Иль сдуру?
А иностранцев всё везут сюда,
К «обломкам экзотической культуры».
...Пусть говорят: «Былого не
вернёшь».
Люблю и помню — сладким
сновиденьем.
И сны мои реальнее, чем ложь
О том, что можно всё купить за деньги.
Родные виды... Мудрый добрый быт...
И крестный сон столетий на могилах...
Ни за какие деньги не купить
Того, что люди разлюбить не в силах.

Тот о небесном не заплачет,
Кто не нашёл его в земном.
Как бесконечна быстротечность
И наших дней, и этих вод...
Все знают, что за смертью — вечность.
Но хочется — наоборот.

Ковда

Игумену Аристарху

Шёл дождь. Ботинки хлюпали водой.
А я — одет совсем не по погоде,
Бродил, отогреваясь красотой,
По древнему селу — поморской Ковде.
Я был пленён. Точнее — влит звеном
В цепь вечного согласия и счастья,
Где всё, что есть, — тому подчинено,
Чему и я безропотно подвластен.
Аукалось родство окрестных мест,
Я ощутил знакомыми до боли
И крест над храмом, и поклонный
крест,
И крест над обновлённой колокольной.
И кованые ковдские кресты,
Могучие, как те, кто жил здесь
прежде...
И чаек крик, и лодки у воды,
И этот дождь, стекавший по одежде.
В лицо хлестали мокрые кусты,
Но я уже не разбирал дорогу...
Я понял — мы ушли из красоты,
Для нас однажды сотворённой Богом.
Мы строим Вавилоны, вновь и вновь
Теряя рай. Довольствуемся адом,
Бетонных обитатели кубов
И чёрных почитатели квадратов.
А красота сквозь слёзы смотрит вслед,
Не веря в то, что брошена навеки,
Родителя всего на всей земле
Пытаясь видеть в каждом человеке.

* * *

На холодную плоть камней
Листья, тихо шурша, легли...
Листопад...
В этот час сильней
Притяженье родной земли.

* * *

Я за речку пойду... Там кончается
город деревнею.
Я за речку пойду. Там всегда хорошо,
за рекой.
Я пройду по деревне к поморскому
кладбищу древнему,
Там, над мысом, свиваются ветры —
лесной и морской.
Ах, какая погода сегодня на счастье
мне выдалась!
Нет синей этой сини! И зелени нет
зеленей!
Я пройду вдоль семейных оград и
слегка позавидую.
Мне свои не объехать по нашей
огромной стране.
Там, глаза распахнув, буду пить
беломорское небо я,
И почувствую вечность нутром, как
незримую связь
От далёких времён, когда нас на земле
ещё не было,
До далёких времён, когда мир
позабудет о нас.
На фундаменте церкви, что кто-то
когда-то здесь выстроил
Для потомков своих, и которую
правнук сносил,
Тихий шум разнотравья... Но край этот
горестный выстоял
Не крестами церковей, так крестами
поморских могил.
Все мы, все мы привыкли надежду под
сердцем вынашивать
На родные места, что помогут осилить
беду...
Если станет мне тяжело, приеду в свою
Кандалакшу,
И за речку пойду. И за речку... за
речку пойду...

* * *

Пока рассудок и глаза ясны,
Неизлечимой лаской буду болен
К деревьям, птицам, ручейкам лесным

Поднимается красный свей,
Рассыпается жёлтый прах...
Что ты значишь в судьбе моей,
Хмурый край на семи ветрах?
Что ты значишь в моей судьбе?
Я пытаюсь найти ответ...
Где-то там, на лесной тропе,
Пробежавшего детства след.
Пригляжусь — а по тропке той,
По заветным грибным местам
Мой отец идёт — молодой,
Следом я бегу — по пятам.
Набиваю брусничкой рот,
Поспеваю за ним едва...
Где отец только раз шагнёт,
Там моих шагов будет — два.
И сладка мне печаль моя,
Возвратила назад судьба
Ту щемящую боль ручья
На молочных моих зубах.
— Что ты есть для меня, скажи?...—
И спросила земля тогда:
— Без меня ты хотел бы жить? —
И не мог я ответить: «Да».

* * *

Осенние стаи взлетят — и растают,
Расправив крылатого крика покров.
Из отчего дома, из милого края
В Судьбу вырастает к России любовь.
Россия — поморские лодки и сети.
Россия — избышки, церквушки,
кресты...
В метельных молитвах о лете, о свете
Отсюда для нас начинаешься ты.
Здесь древних причалов разлуки и
встречи,
Здесь в жёнах ценнее умение ждать.
Здесь верится — время возносится в
Вечность,
Туда, где Полярная всходит звезда.
Так пой, не смолкая, Студёное море,
О том, что в ночи не погаснут огни!
Цветите, игристые сполохов зори!
Сияйте безудержно, летние дни!
Волнуйся, ковровый кустарник

И к маленькому северному полю.
Любя, я проживу свои года,
И в час, когда устанет биться сердце,
Где б ни был — всё равно приду сюда,
На лес, ручей, на поле наглядеться.
Последнюю приемля благодать,
Рвану руками воротник рубашки.
И будет мне не страшно умирать,
Упав в траву, лицом примяв ромашки.
И всё затмит высоких сосен шум,
И холод нежеланного покоя,
И радость оттого, что ухожу,
Но ничего не уношу с собою.
Что оставляю у порога тьмы
Лес, поле, дорогое чьё-то имя...
Мы лишь на краткий миг берем взаймы
У жизни то, что по сердцу нам ныне.

Попутчик

Он стоял на подъёме,
Как видно — не местный,
Проходящим машинам махал без
успеха.
С незнакомцем всегда говорить
интересно,
А попутчики мне — никогда не
помеха.
Сел, поехали...
Он закурил сигарету:
— А погода-то нынче дрянная, не так
ли?
Говорят, здесь неделя тепла за всё
лето? —
Я поддакнул ему...
И дурак, что поддакнул!
Он вдруг начал ругать все ухабы и
горки,
Клял он сопки и сосны, летящие
мимо...
А я зубы сжимал,
Было больно и горько,
Словно гадости мне говорят о
любимой.
Как хотелось вскричать:
«Замолчи ты, зануда!»
Мышцы сжались в комок под одеждой

берёзки,
Желтейте медвяно, морошки поля!..
Нет в хоре России милей подголоска,
Чем ты — Заполярье, родная земля!

* * *

Метель тряхнула гривой сивою,
Неистово снежинки пляшут.
Сомкнулся лёд над речкой Нивою,
В сугробах белых Кандалакша.
Бегу на улицу. И пусть
В лицо морозный ветер дует.
Замёрз, но на зиму не злюсь.
Раз люб я ей — пускай целует.

* * *

Ах, полярная ночь!
То ли ночь, то ли царство бессонное,
Тихий свет полыньи, называемый
всеми «луной».
Васильковые россыпи звёзд. Небеса
чернозёмные.
И земля, как пречистое небо, светла
подо мной.
Никому ничего не хочу объяснять и
доказывать,
Надо просто, забыв о земном, в эту
высь посмотреть.
И прозреет душа, и поймёт непонятное
разуму:
Почему небеса называются в Библии —
«твёрдь».

* * *

Грузный дождь припадает к земле,
Подвели его тонкие лапки.
И высокие сопки во мгле
Примеряют белёсые шапки.
Лес, как дом опустевший, тосклив,
Стонет небо в печали отлёта.
Но теплом еще дышит залив,
Но теплом еще дышат болота.
Как приятно остатки тепла
Добирать каждой клеточкой кожи!..
Что горит — то сгорает дотла,
Что не вдоволь дано — то дороже.

упруго...
Ну откуда он взялся такой...
— Ты откуда?
Что ответил — не помню, откуда-то с
Юга.
Есть там где-то село, окружённое
полем,
Дом с верандой, семья...
И туда он вернётся.
Там сады, виноградники, тёплое
море...
Так какого же чёрта сюда-то он
прётся?
Я спросил у него. И развёл он руками,
И блеснула улыбка с вертявым
окурком:
— За богатствами Севера я...
Да деньгами,
Как и все здесь...
А что, я похож на придурка?
И в молчанье доехали мы до посёлка.
— Вылезай! —
По карманам зашарили руки...
Уж не Север ли хочет купить за
пятёрку?
Чуть не плюнул в него:
— Убери, не на Юге.

* * *

До чего же утро-то хорошее!
Синее бескрайнее раздолье.
Как большой телёнок новорожденный
—
Мокрое взъерошенное поле.
И на сосны, в небеса простёртые,
Ранней лаской первый луч струится.
Дрогнули смолы живинки жёлтые,
Вспыхнули росинки на ресницах.
Слышно ранней птицы щебетание,
Но покой куда не нарушен.
Только семят по делу раннему
Краем поля блёклые старушки.
Вам бы отдыхать, а вы всё
странствуете,
Надо же в такую рань проснуться!
Подойдут, а я скажу им:

Лишь на миг сквозь завесу проник
Тусклый свет, как последний подарок,
Но от ветра туманный старик
Заслоняет ладонью огарок...

Грустника

Густо рассыпаны алые бусины.
Вот и созрела ты, ягода поздняя,
Самая вкусная, самая грустная,
Самая-самая — родом из осени.
Лето, прощай! А казалось — не
кончится:
Горстками черпаю ягоды эти.
Сладко! И все же нельзя не
поморщиться,
Не пожалеть о промчавшемся лете.
Полнится небо печальными криками,
Жалость глаза мои переполняет.
Я называю бруснику — «грустникою»,
Пусть меня все без конца поправляют.
Выйду из леса я с полной корзинкою
И повезу в своё многоэтажие
Сладость с кислинкою, радость с
грустинкою:
И — что-то большее. Нужное. Важное.

Морошка

Капельки солнца в зелёных ладошках.
Капельки света.
Жёлтые россыпи ягод морошки —
Щедрое лето.
Над головой комариная стая
Тучею вьётся.
Я не спасаюсь. Я запасаю
На зиму солнце.
Крошка-морошка... Ягодка эта —
Солнечный дар нам.
Светятся с блюдца капельки лета
Ночью полярной.

* * *

Как гнётся рябина! Наверное, что-то
болит.
Большая луна холодна и бледна, как
покойник.
И ветер — то снег обрывает с небес, то

«Здравствуйте!»,
И они в ответ мне улыбнутся.
Золотой поток скользит по зелени,
Протекает в сумерки под кроны.
Люди щедро нежностью засеяны,
Их бы только добрым словом тронуть!

* * *

— Ну, о чём ты можешь написать?
Не пойму... —
Я навсегда запомню,
Как с усмешкой глянула в глаза
На работе женщина знакомая.
Протянул я ей свои листки,
Проглотив комок обиды жгучей.
Прочитала.
— Хороши стихи,
Только сам-то ты других не лучше.
Если б сверхбезгрешный кто-нибудь
Так писал... А у тебя выходит,
Будто бы указывает путь
Человек, увязнувший в болоте.
Помню, улыбнуться я хотел —
Получилась глупая гримаса.
Что ж, выходит, виноват я тем,
Что, как все, что из костей и мяса.
Виноват, что в грёзах голубых
Виден ей Поэта образ хрупкий.
Для неё слова мои грубы
И весьма сомнительны поступки.
Был не идеально я побрит,
И костюм давненько не утюжен...
Ей ведь невдомёк, что там, внутри,
Есть всё то, что не нашла снаружи.
Не виню её и не клянусь,
Путь познания человека труден.
Как легко вас, люди, обмануть!
Как бы в вас не обмануться, люди!
Ведь порой в себе такую ложь
Внешность идеальная упречет...
Я на тех, с кем я живу, похож.
А зачем мне выглядеть иначе?

* * *

Я вдоль дороги брёл по листьям палым,
И туча шла по небу надо мной.

скулит,
Вцепившись замёрзшими пальцами в
мой подоконник.
Не хочется думать.
Все думы — о близком конце.
И памяти радость испита — остались
обиды.
По радио тянут скрипучий скрипичный
концерт,
И музыка так соответствует мрачному
виду.
Вот если бы друг...
Он бы спрятал за шторы окно
И радио выключил, выдернув шнур из
розетки...
Но друг не придёт.
Только в книгах друзья, да в кино.
А в жизни — соседи.
По дому, по лестничной клетке...
И глупо, терзая вечернюю стопку газет,
Читать объявления и думать: куда бы
податься?
«Меняю...», «Сдаю...»,
«Познакомлюсь...»
Но нужного — нет:
«Спасу от тоски», или проще: «Учу
улыбаться».

* * *

В небе серо, в небе грустно.
Луг пожух, и лес испуган.
Плачут лебеди да гуси
И текут по небу к югу.
Птицы плачут — сердцу больно,
Оттого ль за острым клином
Побежал мужик по полю
От хибары, от скотины.
От жены – трудом согбенной,
От детей, вослед кричащих,
От скирды гнилого сена...
Он хотел взлететь над чащей.
Он хотел обняться с высью,
Он хотел расстаться с пашней,
Он хотел взлететь над жизнью,
Над собой — смешным и страшным.
И вонзал он в небо руки

Рука моя голосовать устала,
И я теперь голосовал спиной.
Я в доброте готов был разувериться,
Вдруг — сзади тормозов бодрящий
визг.
Холодная открылась настежь дверца,
И я ввалился в тёплое: «Садись».
И понеслись куда-то сосны, ёлки,
Был затяжной подъём, и спуск был
крут,
И тусклые огни чужих посёлков
Рассказывали сказки про уют.
В окно луна заглядывала мутно,
И я дремал под двигателя шум...
А надо бы заговорить как будто,
Но вот о чём? Я слов не нахожу.
А он запел, негромко и протяжно,
Про даль дорог и про печаль полей.
И песне в лад ползли по стёклам
влажным
Те капельки дождя, что тяжелей.
Звучала песня и подпеть просила,
Была она, как этот мир, стара.
Не оскудела песнями Россия,
Лишь ямщиков сменили шофера.

Корова

— Стой, проклятая! Стой!
— Эй, держи её, стерву!
Да держите же! Эх (нехорошее
слово)...
И в душистый июль
С опостылевшей фермы
Прочь от криков доярок
Сбежала корова.
И по полю — кругами,
до изнеможенья,
Повинуясь какому-то свыше приказу...
Вдруг застыла, не выдержав ритма
движенья,
Ведь она не паслась от рожденья ни
разу.
И коровьи глаза, две слезящихся
грусти,
Словно вспомнить хотели забытое что-
то...

С криком — чуть не журавлиным,
И ветвились в сладкой муке
Струны жил на шее длинной.
«Улечу!» — и с этой верой
Он бежал, взлетая в волю...
И упал комочком серым
На краю родного поля.
Подошла жена родная,
Остудила лоб ладонью:
— Ты куда бежал?
— Не знаю.
— Ты чего хотел?
— Не помню...

* * *

Человек тридевятиую вечность сидел
над женою,
Положив на живот ей ладонь — как
огромное ухо.
Где-то плакала птица — сквозь ветер и
дождь за стеною,
Долгожданный — в жене — кто-то
третий ворочался глухо.
Тридевятиую вечность не сохла и липла
рубаха.
Нет, не трус он, не трус... В одиночку
ходил на медведя.
Но большой — в пол-избы, как
ребёнок, заплакал от страха,
Оттого, что никто не поможет, никто
не приедет.
Не стонала жена. Виновато ему
улыбалась.
А в ночи — затмевала Голгофу
стенаньями птица.
И хотелось кричать и метаться. Порою
казалось —
Это плачет ребёнок, который не может
родиться.
О, как птица страдала! И боль
отзывалась тупая,
Распирая виски, загибаясь в вопрос без
ответа,
И качалась в бессоннице лампочка
полуслепая,
И секла по глазам утомлёнными

Принимаю на веру, без всяких
«допустим» —
Есть похожие чувства у людей и
животных...
— Ну, чего, попрыгунья, набегалась
вволю?..
Две доярки присели, усталые, рядом
И притихли, и долго глядели на поле.
И брели по траве три задумчивых
взгляда.
Не клубился забывший колёса
просёлок,
Было тихо: ни лязга, ни крика, ни
скрипа...
И не верилось в то, что за лесом —
посёлок,
Пять панельных коробок стандартного
типа.
И, как патока, сладко тянулись минуты
Созерцанья красот нерушимых и
древних,
И по травам цветущим навстречу кому-
то
Детство шло из далёкой российской
деревни...
А когда возвращались на ферму
обратно,
Так на них, обернувшись, взглянула
скотина,
Что доярка одна прошептала:
— Ну ладно... —
А вторая — сломала свою хворостину.

* * *

Я без тебя — не я,
Мне без тебя — беда.
Мурманская земля,
Кольская красота.
Словно бреду — к заре
Тихой лесной тропой.
Голос ручьёв и рек —
Внутренний голос мой.
Сопок далёких синь,
Сосен высоких шум...
Северный край Руси,
Дом моих чувств и дум.

розгами света.
Он рванулся во двор — остудить
раскалённые вопли,
По дороге ружьё заграбастал в
огромную руку
И — пальнул в темноту. И — рыдания
птицы замолкли...
Он отлично стрелял. И навскидку, и
даже по звуку.
Но застреленный плач возродился — в
жилище угрюмом,
За окошком жена омывала ребёнка над
тазом...
Опершись на ружьё, он стоял и
покачивал думу...
То жалел, что убил... То пугался: а если
б промазал?

* * *

Опять на скалы небо опускается,
Во мгле метелятся ветра бестелые.
А месяц скалится, чему — не знает
сам,
От моря Баренца — до моря Белого.
Нам до весны не видеть солнца
зрелого,
Зато и летний день полгода тянется.
От моря Баренца — до моря Белого,
От моря Белого — до моря Баренца.
Такая вот и есть — моя родная весь,
Но от родного разве отрекаются?
Видней большое здесь, а вся
посредственность
О Север — серая — дотла стирается.
И свет кончается, и мир качается,
И всё вращается, сливаясь в целое.
От моря Белого — до моря Баренца,
От моря Баренца — до моря Белого.
Ты, Север, бил меня, но разлюбил ли я
Сугробы в рост, деревья
низкорослые?..
Колочим именем, своей фамилией
Прописан я на Кольском полуострове.
И потому душа моя хватается
За край, очерченный двумя пределами:
От моря Белого — до моря Баренца,

Здесь и отец и мать,
Всё, чем от зла храним.
Стать бы душой — под стать
Белым снегам твоим.
Светом родной звезды
Теплится мой очаг.
Здесь — у большой воды,
Вечной любви причал.
Я упаду лицом
В ласковый мягкий мох.
Мне ведь, в конце концов,
Ближе — отсюда — Бог.
Кольская красота,
Мурманская земля.
Мне без тебя — беда.
Я без тебя — не я.

Оборотень

Всё проклято — надежды и мечты,
Низвергнуто, растерзано раздором —
До поруганья честной нищеты,
До униженья пред богатым вором.
Зажала жизнь и выкрутила нас,
Из тел всё человеческое выжав.
Мы пожираем ближнего, стремясь
Одни — нажиться, а другие — выжить.
Мне тяжко с вами, бывшие Людьми!
Но тяжесть одиночества — не легче.
Мы так жестоко изменяли мир...
И он теперь — в отместку — нас
калечит!
О! Бесконечный перечень потерь...
Восстала тьма — и душу задушила,
И заметался в сердце дикий зверь,
И кровь, зверея, заметалась в жилах.
И Разум умер. И Господь молчал...
И я завыл, одежду раздирая,
И вышиб дверь, и дико зарычал,
И выбежал во двор,
И со двора я
Метнулся в ночь —
По травам, по росе...
Бесилась кровь — шипела и гудела.
Зверь вырастал во мне —
Сквозь поры все
Густая шерсть пронизывала тело.

От моря Баренца — до моря Белого.
В родной земле немного надо места
мне,
Но там, где крест,— не всё еще
кончается...
Останусь строчками, останусь песнями
От моря Белого — до моря Баренца.

Непостроенный храм

Сопка простёрлась двуглавым орлом
над дорогою,
Древние камни внимают протяжным
ветрам.
В речку со склона взглянула
церквушка убогая
И несказанно прекрасный увидела
храм.
Храм отразился в реке небывалою
небылью,
Светлой мечтой о великой счастливой
стране,
Словно сквозь грёзы привиделось то,
чего не было,
Словно сквозь слёзы пригрезилось то,
чего нет.
Люди, придите, взгляните, родные,
хорошие!
Видите, там, среди серых бесстрастных
камней
То ли разбившийся храм
безвозвратного прошлого,
То ли несбывшийся храм наших
нынешних дней.
Люди, очнитесь! Проснитесь, селенья
окрестные!
Люди, спуститесь к реке, чтоб на чудо
глядеть!
Чёрные зданья торчат над безвидною
местностью,
Тёмные тени молчат, не спускаясь к
реке.
Осень рыданья несёт над холмами и
топиями
И наполняет дождливой слезой облака.
В небо глядит из реки нерождённый
утопленник,

Щемящий звон сжимал виски —
кольцом.
Я спотыкался, падая на камни.
И то, что было некогда лицом —
Вытягивалось, скалилось клыками.
Он рвал меня! Он прорастал вовне!
Я сжал в ладонях боль — но не помог
тем.
Из пальцев — обжигая морду мне,
Вонзились в плоть изогнутые когти.
Я бесновался! Я орал во мгле
И трепетал от собственного воя,
И проклинал живущих на земле,
И ненавидел — смертно! — всё
живое...
И тяжким сном забылся на камнях...
А утром был разбужен долгим
взглядом.
...И Человек прицелился в меня.
И я ему не смог сказать: «Не надо».

* * *

Невмоготу — себя перетерпеть!
Вновь душу грустью осыпает осень,
И так охота все дела забросить,
И пить, и плакать, снова пить и петь...
О, птичий крик, упавший свысока!
О, тишина, готовая взорваться!
Огромная, крылатая тоска...
Нет, на нее нельзя не отозваться.

Нехитрый стол, в стакане — самогон,
Вонючий и на цвет — какой-то синий.
Давно в деревне нету магазина,
Но не прижился здесь сухой закон.

Уж близок вечер. И столбы дымов
Спешат тепло живое обозначить,
И сразу видно, где — дома, где — дачи...
И дач — намного больше, чем домов.

Как горько мне!
Как страшно понимать,
Что летом жизнь кипела понарошку!
Вот вывезут последнюю картошку,

Песню непетую в море уносит река.
Люди, придите, нельзя не жалеть об
утраченном!
Люди, взгляните, задумайтесь, что
впереди!..
Дух преподобного Трифона ангелом
плачущим,
Нас осеняя, над грешной землёю летит.
Единосушная и Нераздельная Троица,
Нашу страну и народы её пожалей.
Господи, силы нам дай, чтоб молиться
и строиться!
Храм, отражённый в реке, сотвори на
земле!

* * *

Ветер, ветер... Звезды кружатся,
дрожа.
В темноте снега колючие шуршат,
Словно по полю катают белый шар,
Шар, похожий на огромного ежа.
Ой, настигнет! Попаду под белый гнет.
Ой, близка моя бессонница, близка!
Мягкой лапой память душу шевельнет,
Острый коготь в сердце выпустит
тоска.
Побреду в снега, куда глядят глаза,
Припаду плечом к вздыхающей сосне,
И покатится горячая слеза,
И сорвется со щеки, сжигая снег.
Задержись, пора ночная, на земле!
Не всходи на небе, алая заря!
Целую год скотину холил и жалел,
А наутро буду резать да шкурять.
А по полю ветер сеет из горсти
Темный лепет обезлиствевших осин,
И так хочется прощения просить,
Словно кто-нибудь услышит и
простит.

* * *

Поезд замер, словно вкопанный,
И - ни с места. Вот беда!
Рядом Мурманск. Вот он. Вот он - он!
Рядом. Ну - рукой подать!

И грянет смерть по имени Зима.

Придут ко мне бездомные коты,
Придут ко мне бездомные собаки...
Темнеет. В небе – тусклый свет звезды
И горький свет – в лесхозовском
бараке.

Еще стакан! За все, что я люблю!
И долго на луну глядеть, вздыхая...
Я пью не потому, что жизнь плохая,
А просто – осень. Потому и пью.

Звонарь

Мне снился гулкий колокольный звон
И виделось неведомое что-что.
Я закричал - и непонятный сон
Сменила явь холодных капель пота.

Рвалось со стен страданье рук!
Ах нет, ах нет!.. Нагих деревьев тени.
Ушли виденья. Но остался звук,
Тяжелый и неясный, как виденье.

Метался, бился зыбкий свет в окне,
Ударам в такт качал деревья ветер.
Перекликаясь, плакали во мне
Колокола, которых нет на свете.

Кололась ночь, как черная скала,
Я зря к ушам прикладывал ладони.
Колокола, зашлись колокола
По Николаю Колычеву в стене.

И впрямь по мне. Иль я схожу с ума?
Уж лучше сон, забвенье,
неизвестность.
Я засыпаю. Снова ночь и тьма,
Но этой тьме во мне темно и тесно.

И понял я тогда, что обречен
Увидеть то, что шире воспринять:
Ведь эта тьма – лишь звонаря зрачок,
А этот сон – велик и необъятен.

Но взгляд понятен сердцу и уму,

Ждем. Чего? Какого... встречного?
Я глаза все проглядел.
За окном - как будто вечер.
На часах - как будто день.

На ветру деревья корчатся.
Дождь на стеклах... Боже мой!
Очи осени. Мне очень,
Очень хочется домой!

...Тронулись? Неужто тронулись?!
Ну, давай, быстрее, быстрее!
Я гляжу в окно вагонное
На Фадеев на ручей.

Захлебнувшись удовольствием,
И от чувств почти без чувств
Птицей вдоль проспекта Кольского
Я лечу, лечу, лечу!

Здравствуй, слякоть!
Здравствуй, грязь моя!
Гниль листвы на мостовой.
Я вернулся! Мурманск, с праздником!
Мурманск! Я опять с тобой!

Кажется, вокруг все кружится.
Я спешу - на всех парах -
Отразиться в каждой лужице
Сквера на Пяти Углах.

Мне не жаль ботинки новые,
Этих луж не обойду.
То ль шагаю, пританцовывая,
То ль танцую на ходу.

И от счастья невозможного
Так, чтоб слышал весь народ,
Я пою. Пускай прохожие
Думают, что идиот.

Звездочка
Прошлой ночью
(не знаю, рассказывать надо ли)
Почти все спали,
но некоторые - видели,

В нем – небо, колокольня и усталость.
И больше ничему и никому
В зрачке огромном места не осталось.

* * *

В небе серо, в небе грустно.
Луг пожух, и лес испуган.
Плачут лебеди да гуси
И текут по небу к югу.

Птицы плачут – сердцу больно,
Оттого ль за острым клином
Побежал мужик по полю
От хибары, от скотины.

От жены, трудом согбенной,
От детей, вослед кричащих,
От скирды гнилого сена...
Он хотел взлететь над чащей.

Он хотел обняться с высью,
Он хотел расстаться с пашней,
Он хотел взлететь над жизнью,
Над собой – смешным и страшным.

И вонзал он в небо руки
С криком – чуть не журавлиным,
И ветвились в сладкой муке
Струны жил на шее длинной.

"Улечу!" – и с этой верой
Он бежал, взлетая в волю...
И упал комочком серым
На краю родного поля.

Подошла жена родная,
Голову взяла в ладони:
– Ты куда бежал?
– Не знаю.
– Ты чего хотел?
– Не помню.

Ангел белый

Побирушка, побирушка...
Жизнь рождением наказала.
Большеглазая девчужка –

Как маленькая звездочка,
с неба ночного падая,
Кричала людям:
«Ловите меня! Ловите меня!».

«Скорее! Ну, что же вы!
Подставляйте ладошки!
Кого из вас выберу -
тому счастье будет!».
Но, усмехаясь горько,
тысячу раз облапошенные,
В чудеса не верили
эти неспящие люди.

Маленькую звездочку
охватил большой ужас:
Все ближе земля -
и ни одной человеческой ладошки.
Для счастливой звезды
ничего не может быть хуже,
Чем бездарно о землю
расплющиться синей лепешкой.

И зашлась она в крике -
визгливом, пронзительном:
«Слышите?!
Неужели я не нужна
никому в этом мире?!»
...Проснулся бомж
и, звякнув чугунною крышкою,
Из канализации вытянул руку,
ладонь растопырив.

Сгреб звездочку
в теплый вонючий кулак,
Сунул за пазуху, где вшей больше,
чем звезд у неба.
И получил то, что давно желал -
Целую буханку теплого черного хлеба.

...А наутро люди,
у которых сна всю ночь не было,
Опечалили улицы
невыспавшимися кислыми лицами,
И олигарх, накануне купивший небо,
О пропаже звезды

Побирушка у вокзала.

Платице на тонких ножках,
Личико ... да горстка боли -
Утлой лодочкой ладошка
Плещется в народном горе.

Наливаясь солнцем рыжим,
Задыхался город душный.
И слетал, толпе неслышный,
Детский лепет с губ синюшных:

"Ангел белый, ангел белый,
Забери на небо, к маме..."
Взгляд переполняла вера,
Разум истекал слезами.

Но, безликим злом гонимо,
Месиво мужчин и женщин
Протекало молча мимо
Девочки, с ума сошедшей.

"Ангел белый, ангел белый..."
Большекрылый плеск во взгляде, -
"В этом мире добрый - беден,
А богатый - зол и жаден..."

Тощий звон ей в ноги падал
Милосердием грошовым.
А глаза искали - взгляда,
А душа просила - Слова!..

К ней, в безумие тоски я
Сердцем не сумел пробиться.
Не должны глаза такие
Прорасти на детских лицах.

Я стоял оторопело,
Призывая смерти чудо:
"Ангел белый, ангел белый,
Забери меня отсюда!"

* * *

Мир осенен из глубины небес
Смирением и светлую тоскою.
Струится благодать в поля и лес,

написал заявление в милицию.

* * *

«Все стыло вокруг. Все мертво.
Уйду я из этих мест.
Куда? - На кулички, к черту!..».
И сзади остался Крест.
«На что это все случилось мне?
Зачем я вообще здесь жил?»
...А ветер трепал колосья
Неубранной спелой ржи.

И что-то орал он ветру.
И ветер ответно дул...
Протопаны километры...
И вновь он пришел к Кресту.

Зарылась в снега дорога.
Торчит из сугроба рожь...
Куда ты, дурак, от Бога,
Бродя по Руси, уйдешь...

* * *

Пахло в ее избе хлебом и ладаном,
Медная длань проползла
по лицу бледному.
С белых волос перышко вниз падало.
Медленно.
Медленно...
Лицам икон пела псалмы женщина,
Время текло голосу в лад - плавное.
Тестом,
с края стола свешивающимся,
Воска слезой,
выплавленной пламенем.

Медленно-медленно пола
коснулась коленями,
Длилось и длилось мгновенье
поклона последнего...
Малая малость
уже оставалась времени
И потому и для нее
текло оно - медленно.

Над руслом, полным света и покоя.
Спаси меня, земля! Я так устал,
Живя во зле. Я болен жаждой мщенья,
А от тебя исходит доброта.
Прости меня и научи прощению.
Учи виниться и прощать другим,
Идти с улыбкой к незнакомым людям.
И старые отпустятся грехи,
И, может, новых – никогда не будет.
Как подшутила надо мной судьба!
Ведь я из мутной лужи у колодца
Напился веры в то, что жизнь –
борьба,
Но жить куда труднее, чем бороться!
Борьба... И мстью подменили честь,
И умер дивный звук в кромешном
гуле.
Мир жив не потому, что бури есть,
А потому, что утихают бури!
Идущим по слезам да по крови
Вовек не суждено дойти до счастья.
Не противостоянью, а согласью
Учи меня, земля,
Учи любви.

Внук заглянул в окно
с улицы - надо же! -
Запечатлелось краткое, законное:
Как перед смертью
встала с лежанки бабушка
И повалилась со стоном перед
иконами.